

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ДОЛИНИН К. А.

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Осознание того факта, что значение предложения еще не есть смысл высказывания, что «мы...извлекаем (понимаем) из отдельного высказывания значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» [1, с. 206], поставило на повестку дня проблему подтекста, т. е. имплицитного содержания речи как явления, свойственного не только некоторым жанрам и направлениям художественной литературы, но речевой деятельности человека в целом. Имеется ряд публикаций, либо специально посвященных подтексту, либо уделяющих этому вопросу достаточно серьезное внимание [2—17]. Однако исследований, охватывающих проблему имплицитного содержания речи во всей ее полноте или хотя бы намечающих синтез различных аспектов этой проблемы, еще очень мало. К ним относятся в первую очередь работы Ц. Тодорова [12] и О. Дюкро [7]. Кроме того, весьма плодотворные в этом плане идеи содержатся в книге В. А. Звегинцева [1] и в публикациях Е. Ф. Тарасова (см., в частности, [15]).

В настоящей статье делается попытка объяснить общий механизм возникновения имплицитного содержания высказывания и выявить важнейшие лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие его возникновению. Эта задача решается, как показывает название статьи, в основном на уровне отдельного высказывания, а не целого текста. Во-первых, логично начинать с простого и лишь затем переходить к сложному; во-вторых, не все высказывания входят в развернутые тексты, но все, по глубокому убеждению автора, обладают подтекстом. Проблема имплицитного содержания высказывания рассматривается нами применительно к речи вообще, без учета специфики ее функциональных типов и жанров, поскольку есть веские основания полагать, что механизм возникновения подтекста в основе своей един, а все различия в распространенности этого явления и в конкретных способах его реализации в различных жанрах не затрагивают сути дела.

Прежде всего определим исходные понятия. Мы будем называть значением, или эксплицитным содержанием высказывания (ЭСВ), содержание, непосредственно выраженное совокупностью языковых знаков, составляющих данное сообщение. То содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии, мы назовем имплицитным содержанием высказывания (ИСВ), или подтекстом, — вне зависимости от его характера, актуальности для того или иного участника общения и его «запланированности» адресантом, а также от того, проявляется ли это содержание в изолированном высказывании или только при включении данного высказывания в более широкий контекст. Иначе говоря, мы сознательно отказываемся в данной работе от вычленения отдельных видов ИСВ — таких, как импликация, подтекст, аллюзия, пресуппозиция [17] «затекст» (противопоставляемый подтексту) [10] и т. п., и будем последовательно

* В основу статьи положен доклад, представленный на VII Всесоюзном симпозиуме по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, июнь 1982 г.)

различать лишь подтекст референциальный, относящийся к номинативному (референциальному) содержанию высказывания, отражающему ту или иную референтную ситуацию, и подтекст коммуникативный, входящий в коммуникативное содержание высказывания, которое соотносится с самим актом коммуникации и его участниками [12, с. 57—58].

Какова же природа подтекста? На этот, казалось бы, наивный, но вполне закономерный вопрос следует дать столь же наивный, но единственно правильный (конечно, по сути, а не по форме) ответ: получатель сам приписывает сообщению некое содержание, извлекая его элементы из своих «фоновых знаний». А. А. Брудный справедливо считает, что взаимодействие семантики текста с «набором взаимосвязанных сведений, касающихся содержания текста», является необходимым условием восприятия и понимания последнего [18, с. 112, ср. 15, с. 39]. Думается, что это вполне верно и применительно к подтексту. Однако для успешного восприятия ИСВ «взаимосвязанные сведения, касающиеся содержания текста», т. е. знания о мире, должны быть дополнены знаниями о речи, об основных закономерностях речевого поведения. Последнее особенно важно для восприятия коммуникативного подтекста.

Остановимся вначале на референциальном ИСВ. Важнейшая предпосылка его возникновения — взаимосвязанность объектов и явлений действительности, находящая свое отражение во взаимосвязанности представлений и понятий о мире, из которых складывается тезаурус носителя данной культуры и данного языка. В результате сообщение о факте А, связанном в действительности и/или в тезаурусе реципиента с фактами В, С, D и т. д., потенциально имплицитно последние в его сознании: $A \rightarrow B, C, D \dots$ Так, высказывание *Габи выходит замуж за Лулу* позволяет более или менее однозначно заключить, что: 1) Габи — женщина; 2) Лулу — мужчина, 3) Габи и Лулу — взрослые люди, во всяком случае, оба достигли брачного возраста; 4) Габи и Лулу — по всей вероятности, французы; 5) Габи и Лулу до этого хотя бы какое-то время не состояли в браке и т. п.

Такие «квазиимпликации» подробно описаны И. Беллерт [11], которая различает выводы, основанные на знании языка сообщения (в нашем примере 1 и 2) и на «знании мира» (3—5). Можно, однако, утверждать, что знания о языке, позволяющие сделать те или иные заключения о «референтном пространстве» высказывания, суть те же знания о мире, зафиксированные в системе значений данного языка. Выводы указанного типа неоднократно описывались также в терминах пресуппозиций (см., в частности, [1; 7]).

Иногда утверждают, что пресуппозиции направлены назад, в прошлое [6], что «раскрытие пресуппозиций новой информации не дает» [17, с. 87]. Однако то, что для адресанта является чем-то само собой разумеющимся, для адресата может быть новым и актуальным [11, с. 204—205]. Так, актуальную информацию регулярно дают пресуппозиции высказываний, открывающих литературное повествование, которое сразу же, без всяких предварительных объяснений, так сказать, *in abrupto*, вводит читателя в мир персонажей [19].

Помимо информации о предпосылках описываемого факта, любое повествовательное высказывание потенциально несет сообщение о некоторых других явлениях, связанных с описываемым, например, о его возможных последствиях: из того, что Габи выходит замуж за Лулу, вытекает, что: 6) Габи и Лулу, по всей вероятности, будут жить вместе; 7) у них, возможно, будут дети и т. д. В иных случаях сообщаемый факт может и должен быть воспринят как признак какого-то другого, более существенного (например, кашель героини — признак болезни).

В референциальный подтекст входят также пресуппозиция существования объекта или лица и в особенности пресуппозиция реальности факта, выступающего в качестве референта темы высказывания. По мнению О. Дюкро, они «позволяют высказать нечто так, как если бы это и не требовалось высказывать» [7, с. 23]. Так, вопрос «Где вы убили вашу жену?» предполагает, что адресат ее убил, даже если он это отрицает. Одна-

ко подтекст, задаваемый пресуппозициями существования, основывается уже не на знаниях о мире вещей и явлений, внешних по отношению к речи, а на известных реципиенту общих принципах и нормах речевой коммуникации, которые лежат в основе коммуникативного ИСВ и играют решающую роль в восприятии подтекста вообще (последнее будет показано ниже).

Любая речь в идеале подчиняется по меньшей мере четырем общим принципам: 1) принципу осмысленности [20, 21] — каждое законченное высказывание (и, тем более, организованная последовательность высказываний) должно иметь определенное номинативное содержание — адресату и самому адресанту должно быть ясно, о чем и что именно в нем говорится; 2) принципу целенаправленности или мотивированности [7] — каждое высказывание (организованная последовательность высказываний) должно преследовать какую-то, пусть неосознанную, цель; 3) принципу ситуативности [1] — каждое высказывание (последовательность высказываний) должно быть так или иначе связано с ситуацией общения; 4) принципу связности — каждое высказывание, входящее в более крупную речевую единицу, должно быть связано по смыслу с целым и, как правило, с другими высказываниями, входящим в это же образование; этот принцип представляет собой конкретизацию принципа 3 применительно к высказыванию, входящему в развернутое сообщение.

Кроме названных общих принципов, существует ряд более частных закономерностей или правил, регулирующих построение высказываний и текстов в зависимости от «условий порождения» — параметров коммуникативной ситуации (в дальнейшем КС). Экстралингвистические факторы, детерминирующие речевую деятельность, неоднократно рассматривались в социолингвистике, в теории речевой коммуникации и в лингвистической стилистике [22—28; 15].

Резюмируя данные этих исследований, можно предложить следующий набор взаимосвязанных и частично переходящих друг в друга параметров КС, определяющих как ЭСВ, так и стиль высказывания:

а) адресант (Ан) и адресат (Ат)¹, выступающие как носители соответствующих друг с другом статусных, позиционных и ситуативных ролей и определенных личностных свойств, как субъекты деятельности, преследующие определенные цели, руководствующиеся определенными мотивами, а также как носители определенных знаний о референтной ситуации и референтном пространстве и определенного отношения к референтной ситуации и к партнеру;

б) референтная ситуация (РС) — тот отрезок объективной действительности, с которым можно соотнести референциальное содержание высказывания;

в) деятельностная ситуация (ДС), в рамках которой происходит речевое общение; ДС общения — это, фигурально выражаясь, развертывающийся сюжет: то, что происходит с партнерами в соответствии с их усилиями или вопреки им, та постоянно меняющаяся ситуация, в которой они действуют и говорят. По отношению к отдельному высказыванию ДС — это определенный момент в развитии сюжета, который характеризуется тем, что произошло до этого, включая и то, что было сказано или написано, а также тем, что, по замыслу адресанта, должно произойти после; из этого, в частности, следует, что ДС включает в себя речевой контекст высказывания. ДС детерминирует и может включать в себя также РС. Это происходит тогда, когда люди говорят непосредственно о себе и о своих делах²;

¹ Ат — лицо (или лица), которому (которым) непосредственно адресовано сообщение; кроме адресата, воспринять сообщение может также наблюдатель. В тех случаях, когда оппозиция «адресат/наблюдатель» для нас несущественна, мы будем говорить о получателе.

² Вводимое здесь понятие деятельностной ситуации в общем соответствует модели прошлого — настоящего и модели будущего, используемых в психологии и психолингвистике [29, с. 146—153].

д) предметно-ситуативный фон (ПСФ), включающий место и время общения, то, что происходит вокруг, общую социальную, политическую и историко-культурную ситуацию, а также людей, присутствующих при общении;

е) канал связи (КСв), акустический или графический, характеризующийся также наличием или отсутствием непосредственного контакта между партнерами, наличием или отсутствием визуальной связи, а также использованием тех или иных специальных средств передачи сообщения.

Очень существенно, что детерминантами высказывания являются не эти параметры сами по себе, а представление о них, сложившееся в голове Аи,— субъективный образ коммуникативной ситуации в целом [15, с. 46; 28, с. 287—288].

Детерминированность речи вообще и каждого отдельного высказывания в частности указанными факторами осознается или хотя бы интуитивно ощущается большинством взрослых членов социума в форме прежде всего этических правил, связанных с ролями и статусами участников общения [15, с. 121], а также в форме различных жанровых канонов, т. е., в конечном счете, опять-таки как ролевые предписания и ролевые ожидания. В целом в каждом языковом сообществе, в каждую данную эпоху существует «система норм, дифференцированных применительно к различным признакам речевой ситуации и к другим характеристикам общения» [24, с. 305]. Важно подчеркнуть, что эти правила и нормы распространяются не только на стиль, как это обычно считают, но и на ЭСВ.

Знание — пусть интуитивное — закономерных соответствий между параметрами КС и параметрами речи, равно как и общих принципов речевого поведения, приводит к тому, что каждое высказывание не только несет определенное эксплицитное содержание, но — уже в иной семиотической плоскости — выступает как сложный «знак-признак» того коммуникативного акта, в результате которого оно возникло³. Включив радио посередине передачи, мы почти безошибочно определяем жанр последней — и по тому, что говорят, и по тому, как это говорится. Мы сравнительно легко определяем эмоциональное состояние адресанта и отношения между участниками случайно подслушанного разговора (равенство или превосходство одного из них, степень близости и т. п.), а также, хотя бы приблизительно, их профессиональный статус.

Итак, общая принципиальная схема возникновения имплицитной информации о параметрах коммуникативной ситуации (КС) — коммуникативного подтекста — как будто ясна. Однако в ряде случаев восприятие этого вида подтекста сталкивается с существенными трудностями в силу того, что отношения между параметрами КС и параметрами высказывания не являются одно-однозначными: высказыванию как знаку «своей» КС свойственна асимметрия. Это объясняется тем, что, во-первых, ситуации общения бесконечно разнообразны: наряду с типовыми КС, существует множество ситуаций, которые можно квалифицировать по-разному. Во-вторых, как уже было замечено, речевое поведение адресанта определяется не непосредственно параметрами КС, а его субъективным представлением о речевой ситуации, так что объективно сходные КС разными субъектами могут быть расценены по-разному. В-третьих, нормы речевого поведения, задаваемые различными речевыми жанрами, оставляют субъекту речи разные степени свободы, причем некоторые жанры, в первую очередь принадлежащие к художественной литературе, не только допускают, но и, так сказать, «поощряют» индивидуальную вариативность, вплоть до частичного нарушения общепринятых канонов.

Все это приводит к тому, что на фоне общей нормированности речи постоянно наблюдаются многочисленные и более или менее существенные отступления от норм, которые, однако, не отменяют последних и при этом сами несут, может быть, наиболее существенное и нетривиальное

³ По мнению Е. Ф. Тарасова, текст есть превращенная форма коммуникативного акта, замещающая систему последнего вместе с предметом общения [15, с. 42].

имплицитное содержание [30] — личностный подтекст, из которого складывается с трудом поддающийся вербализации образ адресанта.

Из этого следует, что простое, однонаправленное движение от высказывания к ситуации позволяет вскрыть лишь то, что лежит на поверхности: типовые параметры типовых КС, стоящие за «правильными», т. е. вполне соответствующими речевой норме высказываниями [1, с. 248—250]. Очевидно, надо попытаться на основе сформулированных общих закономерностей построить какую-то более сильную модель, которая позволила бы описать, что же происходит при восприятии высказывания, существенно отклоняющегося от речевых норм, каким образом и какой подтекст приписывает ему (или извлекает из него) получатель. При этом необходимо учесть относительную субъективность и, следовательно, вариативность этого процесса. Разные субъекты, занимающие разные позиции в коммуникативном акте, обладающие разными сведениями относительно референтного пространства и параметров данной КС и заинтересованные в получении разной информации, извлекут из данного высказывания разный подтекст (ср. [15, с. 106]).

Из этого, однако, не следует, что подтекст целиком субъективен: в каждом конкретном случае в данной КС данное сообщение потенциально несет некое более или менее объективное имплицитное содержание. Но вся эта информация теоретически доступна лишь наблюдателю, способному подойти к сообщению со всех возможных позиций, т. е. исследователю. Насколько это осуществимо на практике и насколько нужно, — уже другой вопрос. Более актуальной задачей является установление наиболее вероятного подтекста того или иного сообщения для той или иной категории получателей, находящихся в определенных условиях. Возможные пути решения таких задач мы и хотим попытаться наметить.

Представим описанную выше зависимость между высказыванием и коммуникативной ситуацией в виде следующего равенства: $B = f(A_n, A_t, P_C, D_C, ПСФ, КСв)$, где B — высказывание, рассматриваемое как совокупность различных значимых уровней, — выступает как функция (f) ряда аргументов: A_n , A_t и т. д. — параметров коммуникативной ситуации. Напомним, что эти параметры, в особенности A_n и A_t , суть сложные, многокомпонентные единства.

Всякая речевая деятельность может быть уподоблена решению такого уравнения, причем для разных людей, занимающих разные позиции в структуре речевого акта, оно будет обладать разными наборами известных и неизвестных. A_n имеет определенное представление обо всех параметрах КС; его задача — найти параметры высказывания, т. е. построить сообщение. Как он будет выполнять эту задачу — в строгом соответствии с общепринятой нормой или отклоняясь от нее, — зависит от его коммуникативной компетенции, от его представления о параметрах КС, а также от осознанных и неосознанных мотивов и целей деятельности.

Получатель решает обратную задачу: ему непосредственно дано само высказывание, его ЭСВ и стиль, но также, в зависимости от обстоятельств, те или иные параметры КС. Зная закономерные связи между параметрами КС и высказыванием, т. е. правила построения высказываний и текстов в различных условиях общения, он «вычисляет» недостающие аргументы — те, которые его интересуют. Весьма существенно, что при любых формах общения в рамках данной эпохи и данной культуры интерпретатору практически всегда известно хоть что-нибудь об обстоятельствах порождения высказывания. Даже тогда, когда мы имеем дело с письменным текстом, нам, помимо самого текста и независимо от него, чаще всего даны такие характеристики ситуации общения, как КСв. и, главное, жанр, т. е. не только позиционная и статусная роль A_n , но и та роль, которую он отводит получателю [25, с. 26—27]. Кроме того, восприятие любого не первого по счету высказывания последовательно читаемого текста естественно предполагает знание предшествующего (левого) контекста и, следовательно, воплощенной в нем D_C — другого важнейшего параметра коммуникативного акта. Так создаются необходимые и в большинстве случаев достаточные условия для извлечения ИСВ.

Задача решается не сразу (или не решается вообще), если параметры высказывания не согласуются с данными о КС, которыми располагает получатель, — именно такие высказывания воспринимаются как более или менее «неправильные», странные. Один из путей разрешения возникающего противоречия — пересмотр представления о КС (так, нарушение статусной нормы, например, обращение на «ты» к высшему по социальному рангу, может свидетельствовать об эмоциональном возбуждении Аи). При невозможности устранить противоречие таким путем получатель либо отвергает высказывание как абсурдное, либо пытается решить вопрос путем пересмотра своего толкования ЭСВ. Так, обнаружив в письме А. П. Чехова к М. С. Малкиель ⁴ от 21 мая 1899 г. обращение «драгоценная супруга» [31, с. 163], мы, очевидно, должны предположить, что сказанное надо понимать не в буквальном, а в переносном смысле. Отсюда можно сделать вывод: неизвестные величины, за которыми скрывается потенциальный подтекст, могут быть не только в правой, но и в левой части равенства, в самом высказывании. Но для того чтобы их определить, необходимо располагать определенным минимумом сведений о параметрах КС. Именно поэтому мы не знаем, что хотел сказать А. П. Чехов, называя М. С. Малкиель драгоценной супругой: нам недостает сведений о ДС коммуникантов. Ясно, что это шутка, но что за ней кроется — неизвестно.

В некоторых работах высказывается мысль, что подтекст вообще связан с «неправильностями» в речевом поведении. «Суть всякого подтекста состоит в нарушении эталона», — утверждает И. Г. Торсуева [8, с. 60]. Согласно концепции Ц. Тодорова, имплицитное содержание сопряжено с наличием в тексте каких-то «лакун» — пропусков, недоговоренностей, неясностей, противоречий, нарушений каких-то норм. Руководствуясь «презумпцией уместности», согласно которой «если некая речь имеет место, значит, на это есть свои резоны» [12, с. 26] ⁵, получатель стремится понять сегмент текста, содержащий аномалию, найти его скрытый смысл.

С нашей точки зрения, ведущим моментом в процессе восприятия подтекста являются информационные потребности получателя. Однако поиск скрытого смысла действительно может быть обусловлен аномалией в самом сообщении, тем более что подтекст такого рода обычно является преднамеренным и, следовательно, скорее всего актуальным для Аи.

Теоретически рассуждая, импульсом для поиска подтекста может стать любое реальное или кажущееся отступление от названных выше общих принципов и ситуативных норм речи, а также любое нарушение норм языка. Так проблематика имплицитного содержания речи оказывается связанной с традиционной проблематикой тропов и фигур. Аналогичный результат может дать и отступление от индивидуальной нормы или от внутренней нормы сообщения, т. е. от той специфической для данного сообщения нормы, которая задается левым контекстом [32].

Ясно, что попытка построить хоть сколько-нибудь полную классификацию такого рода аномалий не может быть предпринята в рамках одной статьи ⁶. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими примерами.

1.1. Лакуна в тексте — импликация факта. а) *Чем больше я вижу людей, тем сильнее я восхищаюсь собаками* (М. де Севинье, Письма). Фраза кажется странной, потому что факты, о которых сообщается в высказывании, на первый взгляд, имеют слишком мало точек соприкосновения для того, чтобы между ними можно было установить такую зависимость. Руководствуясь презумпцией уместности речи (в данном случае — презумпцией осмысленности и связности), читатель пытается оправдать это утверждение, найти в нем смысл. Он ищет пропущенное звено — неназванный третий факт, который, логически вытекая из первого, в то же

⁴ Мария Самойловна Малкиель — приятельница М. П. Чеховой; бывала у Чеховых в Мелихове и в Ялте [31, с. 584].

⁵ В «презумпции уместности» Ц. Тодорова нетрудно увидеть обобщение названных выше принципов речевого поведения со специфической точки зрения получателя речи.

⁶ Сходный замысел осуществлен, хотя и с иных методологических позиций, Ж. Дюбуа и его соавторами [33].

время находился бы в заданном отношении ко второму, — что-нибудь вроде «...тем больше я нахожу в них недостатков». б) *Сказал и в темный лес ягненка поволок* (И. А. Крылов, Волк и ягненок). Здесь недоговоренность почти не ощущается — мы не сомневаемся, что волк съест ягненка, хотя, рассуждая чисто логически, можно представить себе и иной исход — например, спасение благодаря вмешательству пастуха или охотника. Наша уверенность основывается не только и не столько на том, что нам известно о волках и ягнятах, сколько на знании, пусть не вполне осознанном, «грамматики повествования» вообще и закономерностей басенного жанра в частности: ведь приведенная строка — это развязка, фабульная реализация заданной наперед общей схемы. Так параметры КС (в данном случае жанр и контекст) приводят к тому, что вероятное следствие сообщенного факта воспринимается как единственно возможный исход, а референциальный подтекст высказывания становится его основным содержанием.

1.2. Лакуна в тексте — импликация логической связи между высказываниями и сообщаемыми фактами. *Одно точно — сушилки были пущены через три дня. Комбайнеры стояли над электриками и выставили пикеты у продмагов.* (Комсомольская правда 22 окт. 1982). Невыраженная связь между двумя соседними высказываниями имплицитруется самой их смежностью, а характер связи (причина и следствие, посылка и вывод, общее положение и конкретный пример, подобие фактов и т. п.) выводится из самих фактов и из КС. В данном случае второе высказывание отвечает на вопрос, каким образом был достигнут результат, о котором сообщается в первом. Кроме того, из второго высказывания вытекают два следствия: 1) пуск сушилок зависел от электриков; 2) работе электриков могла помешать их склонность к посещению продмагов.

2.1.1. Несоответствие высказывания или последовательности высказываний деятельности ситуации — импликация личностного отношения адресанта к ситуации общения и/или к тому, о чем умалчивается. Классический пример такого несоответствия — последний разговор Астрова и Войничкого в конце IV акта «Дяди Вани», когда оба говорят не о том, что их волнует, а о захромавшей лошади и прочих третьестепенных вещах. Особенно характерна завершающая диалог знаменитая реплика Астрова: «А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарища — страшное дело!».

Рассмотрим этот пример несколько более подробно, чем предыдущие. Прежде всего необходимо уточнить ситуацию. Она характеризуется тем, что действие по существу закончено, страсти отшумели, лошади поданы, Астров уже попрощался со всеми и не уходит лишь потому, что ждет, когда принесут рюмку водки, предложенную ему нянькой. Это типичное «пустое время», когда все уже сказано, общение внутренне завершено, но контакт еще продолжается. Разговор о захромавшей лошади возникает только из потребности заполнить паузу, поскольку в подобных ситуациях молчать бывает неловко (еще один, ранее не упомянутый постулат речевого поведения!), а возвращаться к уже обговоренному нет ни желания, ни сил. Вот это ощущение невозможности и ненужности возвращения к только что пережитому и сказанному и составляет общий подтекст всего диалога — и для самих персонажей, и для зрителя. А заключительная реплика о жароше в Африке — это, в сущности, не что иное, как вариант разговора о погоде, типичного для вынужденного фатического общения. Но если в разговоре о погоде, которая стоит здесь и теперь, как и в разговоре о захромавшей лошади, есть хоть какая-то видимость актуальности, то фраза о погоде в Африке совершенно не вяжется с ситуацией: за ней — полная невозможность сказать что-нибудь по существу дела, ощущение полной необратимости всего случившегося [34]. И в то же время — уже не для персонажей, а только для зрителя, в контексте не бытового диалога, а спектакля, — эта фраза, как и карта Африки в конторе российского имения, предстает как образ нелепости, нескладности всего их существования. Есть, видимо, и еще один момент: Африка, особенно в то время, — это даль, экзотика, четко противостоящая тому буднично-

му пространству, в которое они отныне заключены. И, может быть, фраза об Африке — неосознанное выражение тоски по небывалому и несбываемому (ср. [4, с. 95]). Иначе говоря, Африка для Астрова — примерно то же самое, что «небо в алмазах» для Сони. Так в том неважном, как будто случайном, о чем говорится, проглядывают какие-то черты того важного, но мучительного, о чем умалчивается.

2.1.2. Несоответствие высказывания деятельностной ситуации — импликация фактов и цели сообщения.

Роман Э. Базена «Крик совы» начинается с того, что в дом главного героя, известного писателя и отца многочисленного семейства (повествование ведется от его лица), без всякого предупреждения приезжает его мать, некогда отравившая детство своих сыновей подозрениями, запретами и даже физическими истязаниями. Сын и мать не виделись и не поддерживали никаких сношений более 20 лет. Фраза, открывающая приводимый ниже отрывок, — первая, которую мать адресует сыну⁷:

«Как твоя печень?» — говорит мадам Резо, поворачиваясь в мою сторону. — «Приступы кончились? Заметь, меня они ничуть не удивили — наследственность! Желчный пузырь у тебя мой».

Намек на операцию, которую я недавно перенес, очевиден и тотчас погружает меня вновь в атмосферу клана Резо, где всегда считалось признаком хорошего тона выражать свои мысли обиняком. Сказанное обозначает прежде всего: «Я всегда была в курсе твоих дел». Отсюда по меньшей мере три следствия: 1) «У меня есть своя агентура»; 2) «Я не переставала интересоваться тобой»; 3) «Ты и только ты виноват в том, что мы так долго не встречались».

Подтекст реплики персонажа точно и полно эксплицируется повествователем, т. е. стоящим за ним автором, и нам остается лишь объяснить, как он возникает. Сам факт неожиданного появления мадам Резо диктует вопрос «зачем?», и, согласно неписанным нормам речевого общения, она должна была бы начать с ответа на него. Но она говорит и вообще ведет себя так, как будто не было никакого разрыва и они расстались месяц назад. Характерно, что об операции прямо не говорится, — как если бы то, что она знает о ней, было чем-то само собой разумеющимся. Намек на операцию заключен в вопросе и основан на том, что можно назвать пресуппозицией достаточного основания: если Ан предполагает, что какое-то положение вещей изменилось («Приступы кончились?»), значит, он считает, что имело место какое-то событие, которое могло или должно было привести к его изменению. От намека на операцию — демонстрации осведомленности — тянется цепочка логических выводов, которые сформулированы в авторском комментарии, причем каждый последующий вытекает из предыдущего.

Но и речевое поведение матери в целом, независимо от этих импликаций, несет вполне определенный подтекст: разговаривая с сыном так, как будто отношения между ними всегда были нормальными, демонстрируя этим роль «нормальной» матери, она тем самым предлагает установить именно такие отношения. В этой связи следует интерпретировать и упоминание о наследственном характере болезни сына: это утверждение родственных связей. Так вполне тривиальное на первый взгляд высказывание оказывается нагруженным богатым, сложным и в высшей степени актуальным для партнеров содержанием. При этом сама нагруженность высказывания преднамеренным подтекстом вступает как характерная черта образа мадам Резо, т. е. как фактор личностного подтекста.

2.2. Несоответствие высказывания роли адресата — импликация личностного отношения к собственным ролевым действиям. В повести Сент-Экзюпери «Военный летчик» командир эскадрильи, вызвав подчиненный ему экипаж,⁷ чтобы дать боевое задание, начинает разговор следующими словами:

⁷ Перевод этого и следующего примера сделан автором статьи.

«В общем так... Очень все это неприятно... Задание малопривлекательное. Но они там, в штабе, требуют. Настоятельно требуют. Я им говорил, но они ни в какую... Вот такие дела».

Статусной и позиционной роли адресанта противоречат главным образом коммуникативное содержание высказывания (полное отсутствие эксплицитной побудительности) и его стиль: Ан говорит о том, о чем и должен говорить, но не совсем то и не так, как это предписывается ролью. Его речь как будто задает иные ролевые отношения, при которых не приказывают, а просят. Однако здесь, в отличие от ситуации, представленной в предыдущем примере, изменить роли нельзя — командир остается командиром, и приказ — приказом. Следовательно, отступление от речевой нормы может быть истолковано лишь как выражение личностного отношения к тем действиям, которые субъект вынужден совершать как носитель роли.

2.3. Несоответствие эксплицитной иллокуции (целенаправленности) высказывания основным параметрам КС — импликация подлинной целенаправленности. Это явление неоднократно описывалось в литературе. Известно, например, что вопросительное по форме предложение может быть утверждением, упреком, побуждением, а повествовательное — просьбой или приказом (например, *Здесь в углу пыль* = «Подметите в углу» [23, с. 346] и т. п.). Во всех подобных случаях эксплицитная иллокуция представляется адресату не соответствующей ситуации общения, из чего делается вывод, что ее следует истолковать в переносном смысле, — это своего рода метафора, при прочтении которой Ат руководствуется как эксплицитной иллокуцией, так и параметрами КС.

Как видно из примеров, отклонения от стандарта совершаются по определенным образцам. Отступая от ролевой или ситуативной нормы, человек строит свое речевое поведение в соответствии с нормами какой-то другой роли или ситуации (примеры 2.1.1, 2.1.2 и 2.2). Лакуны в тексте (примеры 1.1.6 и 1.2) часто вообще не воспринимаются как отступления от норм в силу привычности и стандартности, а «неправильные» иллокуции (например, ложные вопросы) употребляются настолько регулярно, что их типовые значения описываются даже в нормативных грамматиках (так что имплицитными эти значения можно назвать лишь условно)⁸.

К названным здесь отклонениям от норм можно было бы добавить целый ряд других, в частности, группу аномалий, характеризующихся несоответствием между референциальным содержанием высказывания и РС, где в зависимости от ряда факторов (качественный или только количественный характер несоответствия, степень правдоподобия утверждаемого, предполагаемое коммуникативное намерение Ан, наличие или отсутствие семантической несочетаемости и логической несовместимости между частями высказывания и др.) выделяются такие явления, как гипербола, литота, антифраза, а также метафора, метонимия, синекдоха и т. п. Можно было бы упомянуть и стилистические перебои как внутри высказывания, так и между соседними высказываниями, а также перестановки элементов высказывания и текста и мн. др. Но, как уже говорилось, наш набор примеров не претендует на полноту — нам важно было продемонстрировать саму возможность извлечения подтекста из «несогласованных» высказываний, зависимость ИСВ от представления получателя о параметрах КС, а также прямую связь понятия подтекста с такими категориями традиционной риторики, как тропы и фигуры и, с другой стороны, с таким понятием современной стилистики и поэтики, как эффект обманутого ожидания (острашение, актуализация, выдвижение, контраст), обобщающим эти традиционные риторические категории. Эта связь представляется совершенно естественной, так как *raison d'être* тропов и фигур и заключается в том, чтобы нести некоторое имплицитное добавочное содержание, как бы мы его ни толковали. При этом механизм восприятия описанных выше речевых «неправильностей», с одной стороны,

⁸ Условия общения, необходимые для успешной реализации некоторых «иллокутивных актов», рассматриваются в [35].

и таких явлений, как метафора, метонимия и т. п., с другой, в сущности един: буквальное истолкование ЭСВ дает результат, не согласующийся с нашим представлением о допустимом и уместном в данной ситуации (контексте). Следовательно, необходимо, опираясь на ЭСВ и на известные нам параметры КС, попытаться понять скрытый смысл, восстановить недостающее звено, найти ту информацию, которая сделала бы приемлемым отклоняющееся от языковой или речевой нормы высказывание. Что же касается эффекта обманутого ожидания, то в свете изложенной концепции сущность всех подпадающих под это понятие явлений и заключается в том, что они стимулируют поиск подтекста.

Таким образом, в круг явлений, традиционно рассматриваемых риторикой, поэтикой и стилистикой, следует включить разнообразные отступления от речевых норм, перечень которых предстоит еще составить. В то же время весь этот круг вопросов должен войти как составная часть в большую проблему имплицитного содержания речи. Но важность и актуальность проблемы имплицитного содержания не исчерпывается ее риторическим или стилистическим аспектом. Подтекст — это не привилегия художественной литературы и паралитературных жанров. Имплицитное содержание пронизывает всю речевую коммуникацию, полное и подлинное понимание любого сообщения предполагает «решение уравнения», т. е. построение модели того коммуникативного процесса, в ходе которого это сообщение возникло, т. к. нельзя говорить о понимании, если мы не знаем, кто, кому, где, когда и зачем говорит или пишет то, что мы слышим или читаем. Подтекст не обязательно является смыслом высказывания, как это иногда утверждают [5, 8, 9], но без подтекста смысла нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.
2. Хализов В. К. Подтекст. — Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968.
3. Сильман Т. И. Подтекст как лингвистическое явление. — ФН, 1969, № 1.
4. Сильман Т. И. Подтекст — это глубина текста. — Вопросы литературы, 1969, № 1.
5. Кнебель М. С., Лурия А. Р. Пути и средства кодирования смысла. — Вопросы психологии, 1971, № 4.
6. Ducrot O. Présupposés et sous-entendus. — Langue française, 1969, № 4.
7. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Paris, 1972.
8. Торсуева И. Г. Подтекст и средства его выражения. — В кн.: Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Ч. I. М., 1975.
9. Миркин В. Я. Текст, подтекст и контекст. — ВЯ, 1976, № 2.
10. Брудный А. А. Подтекст и элементы внетекстовых знаковых структур. — В кн.: Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
11. Беллерт М. Об одном условии связности текста. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
12. Todorov T. Symbolisme et interprétation. Paris, 1978.
13. Кузаренко В. А. Типы и средства выражения импликации в английской художественной прозе. — ФН, 1974, № 1.
14. Кузаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1979.
15. Тарасов Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации. — В кн.: Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шапнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
16. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Гл. II. Виды информации в тексте. М., 1981.
17. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения. — ВЯ, 1982, № 4.
18. Брудный А. А. Понимание как философско-психологическая проблема. — ВФ, 1975, № 10.
19. Майенова М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М., 1978.
20. Gordon D., Lakov G. Postulats de conversation. — Langues, 1973, № 30.
21. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия разнородных индикаций связности и цельности текста. — В кн.: Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Ч. I. М., 1975.
22. Хаймс Д. Х. Этнография речи. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VII. М., 1975.
23. Эвин-Трипп С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VII.
24. Основы теории речевой деятельности. Гл. 3, 16, 20. М., 1974.
25. Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
26. Энkvист Н. Э. Параметры контекста. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.

27. *Кристал Д. и Дейви Д.* Стилистический анализ.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
28. *Михель Г.* Основы теории стиля.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
29. *Леонтьев А. А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
30. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970, с. 94—96.
31. *А. П. Чехов.* Полн. собр. соч. и писем. Т. XVIII. М., 1949.
32. *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. М., 1965.
33. *Dubois J., Edeline F. et al.* Rhétorique générale. Paris, 1970.
34. *Ермилов В. В.* Драматургия Чехова. Л., 1951, с. 354—355.
35. *Searle J. M.* Speech acts. Cambridge, 1969.